

Виктория Борисова

ДЕТИ КАИНА

RUGRAM

Москва
2026

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
Б82

Борисова, В.

Б82 Дети Каина / В. Борисова. — М. RUGRAM, 2026. — 272 с. —
(Под покровом тьмы).

ISBN 978-5-517-13636-7

Когда-то Майя мечтала стать археологом, как ее отец, ездить с ним на раскопки, открывать новые цивилизации... Но отец пропал без вести в одной из экспедиций, а ей самой пришлось ухаживать за больной матерью и работать в бухгалтерии.

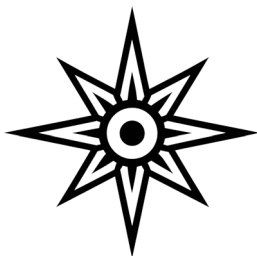
Скучная нелюбимая работа, ежедневная домашняя рутина... И так — много лет подряд. Но настанет день, и все изменится! Майе придется узнать много неожиданного и шокирующего. Что, если у отца были свои тайны? Что, если его гибель — не просто несчастный случай? Что, если самые обычные с виду люди — не все, но некоторые! - могут выглядеть как рептильные монстры?

И что, вся если история человечества была совсем не такой, как пишут в учебниках? Может быть, потомки Каина, которого, по преданию, Ева родила не от Адама, а от змия, на самом деле существуют, и по сей день живут рядом с нами?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13636-7

© Виктория Борисова, текст, 2026
© Мария Хромцова,
художественное оформление, 2026
© RUGRAM, 2026

ГЛАВА 1

«Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое — братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие — не хороши, и плохие — не плохи, и жизнь — не жизнь, и смерть — не смерть...»¹

— Майя! Майечка!

Надтреснутый, дребезжащий старческий голос звучал как будто издалека. Молодая женщина тряхнула головой, посмотрела на часы, и торопливо захлопнула книгу. Полдвенадцатого уже, маме давно пора спать...

— Да, мамуль, иду!

Мама сидела в любимом кресле — старинном, с резными подлокотниками и обивкой из тусклого синего бархата. Бог весть, как уцелело это кресло во всех передрягах бурного двадцатого века! В обычной городской квартире оно смотрелось странно и неуместно, но мама с ним расставаться не хотела ни за что, и все доводы о том, что кресло старое, скрипит, занимает много места, и в резных финтифлюшках постоянно скапливается пыль, неизменно игнорировала.

— Это память! — строго говорила она. Впрочем, о чем именно напоминало ей кресло, мама не уточняла.

Как всегда, она восседала с видом вдовствующей императрицы, только короны не хватало. После инсульта рот

¹ Евангелие от Филиппа (апокрифический текст)

у нее слегка кривился на сторону, и левая рука работала плохо, но мама не допускала небрежности и всяких домашних вольностей вроде халатов и тапочек. В белой блузке, черной юбке, с идеальной осанкой и тщательно уложенными седыми волосами, она выглядела так, словно собралась на концерт или на важную деловую встречу. «Никогда нельзя распускаться! — часто повторяла она, — что бы ни происходило, обязательно нужно думать о том, как ты выглядишь».

И, с тяжелым вздохом сожаления, добавляла:

— Нет некрасивых женщин, есть ленивые!

Майя давно привыкла, что последнее адресовано ей. Маминой элегантности, изящества, особого внешнего лоска, заметного даже в старости и в болезни, у нее никогда и в помине не было...

— Что, мамуль?

— Не сочти за труд, детка, принеси мое лекарство! — с обычной своей царственной интонацией произнесла она, и завертелся ежевечерний ритуал — принести таблетки, согреть молока, добавив в него ложку меда, расстелить постель, помочь маме переодеться, поставить на тумбочку неизменный стакан с водой на тот случай, если ей захочется пить среди ночи...

Уже выходя из комнаты, Майя обернулась, чтобы проверить, все ли в порядке. Мама лежала в постели, накрытая одеялом, и ее лицо, освещенное теплым, чуть розоватым светом ночника, выглядело на удивление молодым, совсем как в те годы, когда Майя была еще маленькой.

— Не засиживайся так долго, тебе ведь завтра на работу, — сказала мама, и в ее голосе звучала неожиданная теплота.

Майя снова почувствовала себя как в детстве, когда читала по ночам, спрятавшись под одеялом с фонариком в руке. Однажды ее поймали за этим занятием. Ей было

лет восемь, не больше, и мама долго возмущалась, говорила, что ребенку надо жить по режиму, а не полуночничать, что так она непременно испортит себе осанку и зрение, и вообще читать в постели вредно. Зато отец лишь потрепал Майю по голове, и, перевернув обложку книги (это были «Легенды и мифы древней Греции»), одобрительно хмыкнул: «наш человек растет!»

Вспомнив об этом, Майя вздохнула. Прошло столько лет, и папы давно нет рядом, но как же его не хватает! Каждый день, каждую минуту...

— Не буду, — пообещала она, — спокойной ночи!

Майя вернулась к себе в комнату. Читать ей уже хотелось — устала за день. Книгу — редкий сборник гностических¹ евангелий — она аккуратно поставила на полку, легла в постель, но сон почему-то не шел. И мысли, как назло, одолевали нехорошие, тоскливые...

Некстати вспомнилось, что скоро у нее день рождения. Тридцать шесть лет исполняется, не шутка! А что есть у нее, кроме университетского диплома, который давно уже бесполезно пылится в нижнем ящике комода, недописанной диссертации, и горы прочитанных книг из отцовской библиотеки? Да, собственно, ничего!

И, скорее всего, уже не будет. Никто не виноват, просто так сложилось.

Говорят, браки заключаются на небесах. Если это правда, можно не сомневаться, что господь бог — веселый парень, и любит пошутить. Уму непостижимо, как смогли ее родители когда-то встретиться и полюбить друг друга! Слишком уж разными людьми были мама — учительница музыки, строгая, изящная, похожая на фарфоровую статуэтку, и отец — археолог, огромный, широкоплечий, весе-

¹ Гностицизм — собрание религиозных идей, возникших в конце первого века нашей эры.

лый и громкоголосый, размашистый в движениях, с лохматой головой и широкими ладонями, вечно вылезающими из коротковатых рукавов пиджака...

Она играла Баха и Шуберта, тонкие пальцы вдохновенно порхали над пожелтевшими клавишами старинного пианино, а он месяцами пропадал в экспедициях, возвращался худой, дочерна загорелый, перепачканный, пахнущий потом, дымом от костра, и еще чем-то неуловимым, но невероятно притягательным. Мама вздыхала, выразительно закатывала глаза и брезгливо морщилась, а маленькая Майя прижималась к отцу всем телом, словно стараясь впитать в себя этот запах, его тепло, слиться с ним, и никуда больше не отпускать!

Отец смеялся, ерошил ей волосы, брал на руки и поднимал высоко-высоко... а потом часами рассказывал про петроглифы русского Севера, про древний город Аркаим, что недавно открыли на Южном Урале, про скифские захоронения в Крыму и курганы времен железного века на Черниговщине.

Отец считался одним из лучших специалистов по древним культурам, однако его самой любимой темой была история Месопотамии — таинственные царства Аккада и Шумера, Ур и библейский Вавилон. О них он готов был говорить бесконечно. Глаза его вдохновенно сверкали, и голос звучал возвышенно, почти патетически — наверное, как у любимых им древних пророков:

— Ты даже не представляешь, что это! Первые письменные источники на глиняных табличках — тридцать пятый век до нашей эры! Колыбель человечества, колыбель цивилизации...

Экспедиция в Ирак на раскопки Ура, столицы шумерского царства, была его давней, и, увы, несбыточной мечтой. Отец прочитал все книги, изданные на эту тему по-русски и по-английски, жадно ловил новости о находке

новых артефактов, искал случая пообщаться с коллегами на конференциях, чтобы хоть так прикоснуться к столь сильно интересующей его теме. Годам к десяти Майя уже прекрасно разбиралась в сложносочиненном пантеоне шумерских богов, и втайне мечтала, что когда-нибудь они с отцом поедут туда вместе. Оставались сущие пустяки: подрасти немного, окончить университет, и тогда...

Но это были мечты, а обычная жизнь, в основном, протекала рядом с мамой, под ее бесконечные замечания вроде «не горбись!», «убери локти со стола», или «причешись, наконец, не ходи как пугало». Мама часто говорила, как мечтала когда-то о дочке — именно о дочке, не о сыне! — как хотела наряжать ее, баловать, заплетать косички, повязывать бантики, и, конечно, учить играть на пианино... Наверное, для нее было большим разочарованием вместо девочки-куколки, аккуратной, хорошенькой и нежной, ежедневно видеть перед собой долговязое, нескладное, вечно растрепанное существо!

К тому же, когда Майя немного подросла, оказалось, что музыкальный слух у нее начисто отсутствует.

— Почему нет слуха, мама? — допытывалась она, возвращаясь с прослушивания, — все, что говорят, я хорошо слышу! И как дверь скрипит, и как кошка мяукает...

— Кошка — это не главное! — отрезала мать, — музыкальный слух — совсем другое, это целый мир... но, если уж не дано — значит, не дано, ничего не поделаешь.

К счастью, мама смирилась, и не мучила ее бесполезными уроками музыки. Со временем и платица покупать перестала, зная, что они так и провисят в шкафу ненадеванными. Становясь старше, Майя все чаще ловила на себе особый мамин взгляд — одновременно недовольный и жалостливый.

— Да уж, вся в отца удалась! — повторяла мать, поджимая губы, и неизменно добавляла:

— Но, как говорится, что выросло, то выросло!

Конечно, было обидно, хотя и не слишком. Майя знала, что когда-нибудь она станет археологом, как отец, поедет вместе с ним на раскопки, обязательно откроет что-то невероятное, напишет об этом книгу, будет путешествовать по всему миру... Это было гораздо интереснее, чем бантики, платица, губная помада, и странные звуки, издаваемые из фортепьяно, которыми почему-то непременно надо восхищаться!

Ей исполнилось двенадцать, когда отец отправился в очередную экспедицию — на этот раз в Мурманскую область — и пропал без вести. Тело его так и не нашли. Отец вошел в пещеру, которую местные жители называли Бесовой Печорой, и больше его никто не видел.

Тот день, когда друзья отца пришли сообщить о случившемся, стал для Майи самым черным днем в жизни. Почему-то лица у них были странные — испуганные и виноватые одновременно. Увидев их в дверях, Майя вымолвила:

— Папа?

Потом вдруг стало темно, и все исчезло.

Майя пришла в себя от резкого неприятного запаха. Она лежала на диване, мама сутилась вокруг, совала ей под нос ватку, смоченную нашатырным спиртом... В первый миг еще оставалась надежда, что на самом деле все хорошо и ничего страшного не случилось, но, увидев мамыны глаза — красные, сухие, воспаленные, словно полные невыплаканных слез — Майя все поняла.

Она так никому и не рассказала, что за несколько дней до отъезда отец отдал ей маленький ключик затейливой формы. Словно предчувствуя беду, Майя не хотела отпускать его, просила взять ее с собой, обещая, что не доставит никаких хлопот, что она уже большая, взрослая, будет помогать во всем — хоть кашу варить, хоть копать, хоть описывать находки...

Отец качал головой, повторяя привычные правильные слова о том, что там, куда он собирается, тяжелые условия, что девочке не место в экспедиции, среди мужчин, что взять ее с собой он никак не может, ну, никак! В конце концов, Майя расплакалась, отчаянно и горько. Отец совсем растерялся (слез он всегда терпеть не мог!), бестолково заметался по комнате, не зная, чем ее утешить... А потом вдруг достал из портфеля маленький ключик, и протянул ей.

— Вот, смотри, малыш! Это — очень важный ключ, держи крепко! Смотри, не потеряй. Храни, пока не вернусь!

Преисполненная важностью возложенной на нее задачи, Майя даже плакать перестала. Она сжала ключ в ладони и спросила:

— А от чего он? Что открывает?

— Эх, малыш... — отец привычным движением потрепал ее по голове, — этот ключик может открыть такие двери, что ты и представить себе не можешь!

Потом подумал и добавил:

— Даже я не могу.

Ключик она долго носила на шее, прикасаясь к нему, когда тоска подкатывала под сердце. От этого становилось немного легче... Закрывая глаза, Майя вспоминала отца — его лицо, взгляд, улыбку, голос и смех, и на мгновение возникало странное ощущение, что он не умер, что он *есть* где-то, просто очень далеко.

Первое время было тяжело. Казалось, рухнул мир... Но надо было как-то жить дальше. Времена стояли непростые (потом их назовут «лихими девяностыми») — цены в магазинах росли как на дрожжах, небольшие сбережения съела инфляция, а зарплата учительницы музыки превратилась в исчезающе малую величину. Порой в доме не на что было даже продукты купить, и, приходя в магазин, мама старательно высчитывала и выгадывала, брала

молоко с истекающим сроком годности и мясную обрезь, чтобы приготовить обед, а, покупая возжеленный «сникерс» для Майи, делила его на четыре части, и выдавала по маленькой дольке.

Впрочем, смириться с безденежьем мама не хотела. Она стала заниматься с учениками на дому, частным образом, и, несмотря на тяжелые времена, от желающих отбоя не было! В квартире все время толпились какие-то мальчишки и девочки с нотными папками — одни приходили, другие уходили... Они вежливо здоровались, снимали обувь в прихожей, пили на кухне чай, и бесконечно терзали старое пианино гаммами и этюдами под мамино «и раз-и, два-и!».

Сидя над учебниками, Майя затыкала уши. Она занималась, как одержимая, и, хотя в школе ее дразнили «зубрилой» и «заучкой», на одноклассников почти не обращала внимания. У нее была одна цель — окончить школу, поступить в университет, и стать археологом, как отец. «Если его нет рядом, это ничего не значит! Все равно надо жить так, чтобы папа мог бы гордиться мной», — каждый день твердила она себе, и становилось легче. Ненамного, но все же...

С медалью ничего не получилось — четверка по алгебре подвела! — но в университет Майя в самом деле поступила сразу. В те годы конкурс на исторический был не так уж и велик, не то, что на юристов и экономистов... Когда она торжественно принесла домой новенький студенческий билет, мама только головой покачала, и, поджав губы, вымолвила: «ну, да, конечно, этого следовало ожидать!»

Выбор Майи она не одобряла, и часто, как бы невзначай, заводила разговор о том, что стоило бы подумать о какой-то серьезной, «настоящей» профессии, которая принесет достаток и стабильность, сможет обеспечить будущее...